

говорит против убеждения? Какого презрения достоин трусливый воин? И однако ж он боится еще пуль, а не смеха только злых зубов!

д) Он опасен. Тут дело идет о спасении души. Если иной в старости, в болезни и на смертном одре думает еще: “что сказали бы люди, если бы я обратился на путь добродетели, сознал свои неправды и молил о прощении?” — то такой человек стремится к явной гибели.

Кто не пользовался бы он своим земным имуществом, принадлежащим ему по праву, потому что боится леса, ночи, привидений — того мы назвали бы безумцем. Так и в этом отношении.

Одно из двух: или твердо исполнять свой долг, несмотря на угрозы человеческие, или же, оставив свой долг и совесть, ожидать вечной гибели.

Тема VI.

“Ибо Иудеи сговорились уже, чтобы, кто признает Его за Христа, того отлучать от синагоги” (ст. 22).

Если неверие не в состоянии сделать того, чего хочет — то оно делает то, что может, к ниспровержению христианства.

1. Оно не в состоянии, как оно хочет, отвергнуть божество Иисуса Христа и признать Его обыкновенным человеком; но оно делает то, что может, подрывая устно и письменно основы христианства (ст. 24).

2. Оно не в состоянии, как оно хочет, отвергнуть действительность чудес Христовых; но оно делает все, что может, для унижения их силы и достоинства (ст. 16).

3. Оно не может, как оно хочет, поставить закон Моисея выше Евангелия Христова (ст. 28, 29); но оно делает то, что может, выхваляя свое всезнание и ученость (ст. 34).

4. Оно не может, как оно хочет, воспрепятствовать всем неверующим сделаться верующими учениками Христовыми; но оно делает все, что может, страшит всем, что в его власти, чтобы не допустить их до того (ст. 22).

5. Оно не может, как оно хочет, заставить исповедников имени Христова молчать или отречься от своей веры; но оно делает все, что может, чтобы отравить жизнь их скорбями и преследованиями и сделать, сколько возможно, затруднительным для них исповедание веры (ст. 24, 34, 35).

II. Апостольское чтение.

Зачало (38): Деяния Святых Апостолов 16:16-34.

16 Случилось, что, когда мы шли в молитвенный дом, встретила нас одна служанка, одержимая духом прорицательным, которая через прорицание доставляла большой доход господам своим.

17 Идя за Павлом и за нами, она кричала, говоря: сии человеки — рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения.

18 Это она делала много дней. Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел в тот же час.

19 Тогда господа ее, видя, что исчезла надежда дохода их, схватили Павла и Силу и повлекли на площадь к начальникам.

20 И, приведя их к воеводам, сказали: сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город
 21 и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять.
 22 Народ также восстал на них, а воеводы, сорвав с них одежды, велели бить их палками
 23 и, дав им много ударов, ввергли в темницу, приказав темничному стражу крепко стеречь их.
 24 Получив такое приказание, он ввергнул их во внутреннюю темницу и ноги их забил в колоду.
 25 Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога; узники же слушали их.
 26 Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели.
 27 Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя, думая, что узники убежали.
 28 Но Павел возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь.
 29 Он потребовал огня, вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе,
 30 и, выведя их вон, сказал: государи мои! что мне делать, чтобы спастись?
 31 Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой.
 32 И проповедали слово Господне ему и всем, бывшим в доме его.
 33 И, взяв их в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно крестился сам и все домашние его.
 34 И, приведя их в дом свой, предложил трапезу и возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога.

Практический очерк содержания рядового чтения.

Из апостольского чтения, положенного в Неделю о Слепом, мы усматриваем, “как чудесно Промысел Божий избавляет избранных своих от бед и напастей.” Апостол Павел, на пути своем в Македонию, остановился вместе со своими спутниками: Силой, Тимофеем и Лукой, на несколько дней, в городе Филиппах. “Случилось,” повествует Лука, “что, когда мы шли в молитвенный дом,” в место, находившееся вне города, куда иудеи собирались для богослужения (ср. ст. 13²), потому, вероятно, что филлиппийские еллина не позволяли им иметь синагоги внутри города, — в это время “встретилась нам одна служанка, одержимая духом прорицательным (πνεῦμα πύσωνος), которая через прорицание доставляла большой доход господам своим” (ст. 16). Духом пытливым или духом Пифона называлось то чародейство, при помощи которого пифии, сидя на треножнике, впадали в беспамятство и прорицали будущее. Отсюда и всякая бесовская сила, могущая что-нибудь предсказывать, называлась “духом пытливым.” Таким-то духом обладала и несчастная женщина, встретившая апостолов на пути их в синагогу. Она была раба одних господ, которым доставляла большую выгоду своими волхвованиями. Следуя за апостолом Павлом и его спутниками, она громко говорила о них: “сии человеки — рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения” (ст. 17).

Что же заставило лукавого духа так проповедывать об апостолах? У него была двоякого рода хитрость. Он надеялся, что апостолы, услышав такие похвалы, поражены будут честолюбием и много возмечтают о себе, или же будут вынужденными изгнать его

² В день же субботний мы вышли за город к реке, где, по обыкновению, был молитвенный дом, и, сев, разговаривали с собравшимися там женщинами.

из бедной рабы и тем вооружат против себя ее господ, которые, лишившись своих выгод, станут преследовать их и посягать на их жизнь.

Последствия показали, что диавол не обманулся относительно второго своего намерения. Бесноватая раба взывала вслед апостолов: *“рабы Бога Всевышнего,”* не один, а многие дни. Апостол Павел не сразу изгнал из нее беса, как потому, что предусматривал козни злого духа, так и потому, чтобы не показаться, будто он ищет похвал людских за чудеса, им творимые. Но когда дух злой не переставал искушать апостола Павла, то он *“вознегодовав”* на такое искушение, сказал этому духу, обратившись к отроковице: *“именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел в тот же час”* (ст. 18).

Так исполнилось предсказание Господа о верующих в Него: *“именем Моим будут изгонять бесов”* (Мар. 16:17³). С освобождением рабы от пытливости духа прекратились и ее пророчества. Поэтому, *“тогда господу ее, видя, что исчезла надежда дохода их, схватили Павла и Силу и повлекли на площадь к начальникам”* (ст. 19), где, по тогдашнему обыкновению, заседали начальники (князи) и судили народ. *“И, приведя их к воеводам, сказали: сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять”* (ст. 20-21). В македонском городе Филиппах была римская колония, поэтому жители его и называют себя римлянами. Что же воеводы? Как они рассудили? Поверив на слово обвинителям, без всякого расследования дела, и видя, что вся толпа народа, бывшего на площади, восстала против апостолов, воеводы собственными руками разрывают одежды на подсудимых и приказывают бить их палками (ст. 22). Нанеся им множество ран, жестокие судьи не удовольствовались этим, а посадили еще их в темницу, *“приказав темничному стражу крепко стеречь их”* (ст. 23).

Страж, получив такое приказание и опасаясь, чтобы вверенные его хранению апостолы не ушли ночью, посадил их во *“внутреннюю,”* самую мрачную темницу, и забил ноги их в колоду (ст. 24). Обыкновенные люди, находясь в подобных тяжелых обстоятельствах без собственной вины, предаются отчаянию и падают духом. Но не так поступали богомудрые апостолы. Не смотря на раны от побоев и кандалы на ногах, они изливали душу свою в благоговейной молитве.

“Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога.” В своей молитве они не просили Бога ни об отмщении неправедным судьям, ни об освобождении от темничных уз, ни об исцелении от ран, но приносили Ему песни славословия и благодарения: *“молясь, воспевали Бога,”* сподобившему их пострадать за имя Христово. Их молитвенное песнопение было так величественно и гласно, что находившиеся в той темнице *“узники ... слушали их,”* (ст. 25). Но хотя апостолы не просили Бога об освобождении от темничных уз, однако милосердный Господь, неусыпно бодрствующий над избранными своими и знающий наперед, *“в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него”* (Мат. 6:8), явил дивное чудо для избавления их от бед и напастей. *“Вдруг,”* повествует Лука, *“сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы.”* Колебание было до такой степени сильное, что *“отворились все двери, и у всех узы ослабели,”* с ног всех заключенных спали оковы (ст. 26).

Иные могут подумать, что в этом чуде не было ничего чудесного. Положим, что сильное землетрясение потрясло основание темницы и растворило в ней все двери: но кто же, спрашивается, разрешил узы, которыми связаны были ученики? Это уже — действие

³ Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками

не силы сотрясения земли, а силы Божьей. Таким образом здесь совершилось два чуда: внезапное колебание и разрешение уз.

“Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя, думая, что узники убежали” (ст. 27). Но апостол Павел, проникнутый истинным незлобием и любовью ко врагам, спасает жизнь того самого стража, который незадолго перед тем заключил его в мрачную темницу и забил ноги его в колоду. *“Но Павел возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь”* (ст. 28). Каким же образом Павел, находясь внутри темницы, мог видеть, что страж, бывший вне ее, решился посягнуть на самоубийство? Он видел это посредством благодатного озарения Святым Духом: *“свет сияет на праведника”* (Псал. 96:11).

Темничный страж, услышав Павловы слова, ободрился и, *“потребовал огня”* и отправился внутрь темницы, чтобы убедиться, не разбежались ли узники. И *“в трепете”* от ужаса, *“припал к Павлу и Силе, и, выведя их вон, сказал: государи мои! что мне делать, чтобы спастись?”* (ст. 29. 30). Откуда же такая быстрая перемена в страже? Отчего он вдруг возимел такое почтение к Павлу и Силе, что пал пред ними? Почему он теперь не боится воевод своих, но сам изводит из темницы тех, которых заключил в нее? На каком основании он возлагает всю надежду своего спасения на этих святых учителей и спрашивает совета их: *“государи мои! что мне делать, чтобы спастись?”*

Он увидел чудеса Господни и почувствовал силу небесной добродетели, озарявшей апостолов, — и его сердце проникнулось умилением, его душа преклонилась к раскаянию, и благодать Божья вложила в него страх Господень и благоговейное повиновение советам Павла и Силы. На вопрос стража: *“что мне делать,”* апостолы отвечали сначала коротко: *“веруй,”* сказали они, *“веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой”* (ст. 31). Но после этого краткого наставления, составляющего основание всей нашей веры, они подробно *“проповедали слово Господне ему и всем, бывшим в доме его”* (ст. 32), научили их догматам веры и благочестия, объяснили силу таинств и прочее.

Надо поистине удивляться необыкновенной апостольской ревности Павла и Силы. Несмотря на то, что они были покрыты ранами и имели по выходе из темницы великую нужду в отдыхе и в услугах к облегчению их телесной скорби, они со всем усердием предались проповеданию слова Божьего, как бы совершенно забывая о теле. И *“взяв их”* темничный страж с собою *“в тот час ночи,”* в который они вышли из темницы, *“омыл”* сначала кровь их *“от ран,”* а потом *“крестился сам и все домашние его”* (ст. 33). По исполнении потребностей духовных, страж приступил теперь к выполнению потребностей телесных. *“Приведя их в дом свой,”* он *“предложил трапезу и возрадовался со всем домом своим”* не от обилия трапезных яств, но потому, что сподобился принять истинную веру.

“Возрадовался,” заключает апостол, *“что уверовал в Бога”* (ст. 34).

Тема I.

“Тогда господа ее, видя, что исчезла надежда дохода их, схватили Павла и Силу и повлекли на площадь к начальникам” (ст. 19).

Апостолы Христовы изгоняют из бедной рабы злого духа и тем оказывают ей истинное благодеяние; но это возбуждает негодование ее господ, которым бесноватая доставляла выгоды. Вместо благодарности апостолам, они влекут их на суд и взводят на них бесстыдные клеветы и обвинения (ст. 19-21). Добро, ими совершенное, преследуется злом. Что же суд? Можно было думать, что он, по крайней мере, разберет беспристрастно дело и защитит невинно-гонимую добродетель: но и на суде вышло не лучше.

Неправедные судьи, безо всякого разбирательства вины обвиняемых, приказывают бить их палками до крови и заключают в темницу, как самых отъявленных злодеев (ст. 22-24). Такова судьба добра в мире! Везде, по-видимому, добродетель страдает, а порок торжествует.

При виде таких явлений в жизни человеческой невольно возбуждается вопрос: отчего так много зла в мире, если он создан премудрым и благим Творцом? Почему добро должно постоянно бороться со злом?

Может ли Бог требовать добра от людей, когда они постоянно встречают сильное сопротивление со стороны зла?

Было бы в высшей степени прискорбно, если бы мы не в состоянии были разрешить этих вопросы. Но из учения Христова мы можем познать Божью мудрость в допущении зла в мире.

Мудрость Божья в допущении зла в мире.

1. Бог допускает зло, чтобы человек поступал и делался добродетельным по свободной воле.

Бог учит нас, что добро и что зло; разум и совесть убеждают и побуждают нас любить добро и отвращаться зла.

Но Бог даровал нам также и способность избирать добро или зло. Мы обладаем свободной волей, которой не имеют животные. Эти последние не могут ни желать, ни делать ничего другого, кроме того, к чему влечет их природа.

Человек имеет высшее назначение. Он должен хотеть и делать добро по свободному выбору. Только через это он сам становится добрым и добродетельным. Но ему предоставлена также возможность желать и делать неправду и зло. Если он поступает по ложным понятиям или следует только своим страстям, а не разуму; то он действует неправильно, а отсюда возникает зло, которого Бог не хочет уничтожить, потому что иначе Он должен бы был отнять у нас свободу воли и способность к добродетели.

Поэтому мы постоянно находимся в борьбе с самими собою, с миром и диаволом. *“Плоть желает противного духу, а дух — противного плоти”* (Гал. 5:16-17⁴). В этой борьбе дух, разум и совесть должны достигать преобладания и господства. Мы сами должны созидать нашу добродетель. Так хочет святой Бог. Он терпит зло, чтобы в борьбе с ним могло развиваться добро. Добродетель не может возникнуть из принуждения; она должна быть делом свободной решимости, которая усвершенствуется только в процессе победы над злом. Тут открывается Божья мудрость, допускающая зло для того, чтобы из свободной воли человеческой могло развиваться добро.

2. Бог не попускает зла могущественнее добра.

Конечно, над некоторыми людьми зло берет иногда такой перевес, что грех совершенно овладевает ими. Тогда человек становится духовно-мертвым. Дух его не может проявлять своих сил; он — раб греховных пожеланий и продан под грех. Пример в господах бесноватой рабы.

Даже в целом роде человеческом бывают иногда такие явления, которые, по-видимому, доказывают, что зло сильнее добра. Мы боимся иной раз, что грех, злоба и порок восторжествуют над добродетелью и благочестием, неверие или суеверие — над истинной верой.

⁴ Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожеланий плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы.

Но мы легко обманываемся и не должны доверяться нашему ограниченному разуму. Потому что можем ли мы обзреть всю связь вещей в нравственном мире? исчислить сумму добра и зла, сделанного родом человеческим в известное время?

Опыт сверх того учит, что самое лучшее добро, самые добродетельнейшие поступки совершаются втайне и остаются в неизвестности.

И если род человеческий в прошедших веках находился иногда на пути к вырождению и растлению, если зло становилось могущественнее добра — то всемогущий Творец мира сразу полагал предел злу.

По Его мановению возникали такие события и явления, которые останавливали успех зла, ослабляли его силу. Появление и распространение Христианства.

Он поражал развращенный народ всеобщими бедствиями и наказаниями, дабы люди пришли к самосознанию, раскаянию и исправлению.

Отсюда мы можем заключать, что Бог не попускает злу быть могущественнее добра.

3. Бог превращает зло в средство к достижению добра.

Но может ли из зла произойти добро, из греха — добродетель? Так спрашивает, быть может, иной с недоумением, и думает: если зло служит к достижению добра, то я не заслуживаю никакого наказания за худые поступки.

Зло, которое ты сделал или делаешь, насколько оно не согласно с законом Божиим, есть грех, и как грех заслуживает наказания. И Бог не оставляет его безнаказанным; но последствия зла, которые не находятся во власти человека, Он направляет к добру.

Продажа Иосифа братьями своими не была ли поступком, достойным наказания, так как это дело совершили зависть и мщение? Но Бог направил следствия худого поступка в средство к достижению добра; и Иосиф через несколько лет мог сказать братьям своим: вы замыслили мне зло, но *“Бог послал меня перед вами для сохранения вашей жизни”* (Быт. 45:5).

Что Иудеи преследовали и избивали христиан, это было весьма худое дело. Но оно послужило средством к быстрому распространению христианства.

Заключение апостолов в темницу привело к вере в Иисуса Христа темничного стража со всем домом (32-34). Кому неизвестны многие такие явления из истории и опыта?

Если Бог, по выражению Писания, доводит сердце грешника до ожесточения; то не для того ли, чтобы он глубже почувствовал посредством того раскаяние о своем гибельном состоянии и возымел тем решительнейшее намерение к исправлению? Если Он допускает нас до искушения, то не для того ли, чтобы наша добродетель сделалась крепче и совершеннее? Почтим во всем этом Его высочайшую премудрость!

4. Через допущение зла Бог делает возможным вознаграждение добра.

Если есть воздаяние в будущей жизни, то добро должно заслужить и вознаграждение. Наши поступки должны совершаться из чистой любви к Богу, наша добродетель и благочестие должны быть испытаны в искушениях, бедствиях и страданиях, если мы желаем получить за них награду от Бога. *“Кто не сражается, тот не удостоивается победного венца.”*

Таким образом, если бы люди, в общении с которыми мы живем, никогда не делали худых поступков, никогда не обижали и ни в чем не подавали соблазна — какое достоинство имела бы наша вера, наша добродетель, наша ревность к исполнению долга? Откуда мы знали бы, что наши обязанности святы, если бы их легко было исполнять?

Откуда мы знали бы, что в состоянии господствовать над своими пожеланиями и страстями, если бы они нас не прельщали?

Как мы могли бы усовершенствоваться в добродетелях смирения, терпения, миролюбия, великодушия и милосердия, если бы в отношении к людям не находили никакого к тому повода? Только в борьбе с миром, с искушениями и страстями может проявляться чистота и крепость добродетели.

Только тогда, когда мы, при Божьей помощи, препобеждаем зло в мире, когда примеры нечестия, несправедливости и порока не сбивают нас с пути веры в наше назначение и не останавливают в стремлении к святости, — только тогда мы можем надеяться на вознаграждение.

Итак, пусть никто не сомневается в Промысле Божьем, если видит так много зла в мире! Оно терпится Богом по премудрым целям. Будем только, по примеру Иисуса Христа и Его апостолов, мужественно и постоянно бороться против всякого зла и уповать на Бога. Он избавит нас от всякого зла и спасет нас для своего небесного царства.

Тема II.

“Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога” (ст. 25).

Какое необыкновенное благодушие! Несмотря на раны от побоев и темничные оковы, апостолы не падают духом, не предаются отчаянию, не изливают злобы на врагов: но *“молясь, воспевали Бога.”*

Что же это была за сила, которая и среди горя ободряла невинных страдальцев и вселяла в сердца их такое благодушие? Эта сила была твердая и несокрушимая вера в Иисуса Христа.

Вера Христова вселяет в нас истинное благодушие.

1. Она подавляет в нас страсти и пожелания, возмущающие наш дух.

Благодушие есть нечто другое, чем радость и веселье. Оно есть такое настроение духа, при котором мы всегда расположены к радости и поддерживаем в нас приятные ощущения. Мы называем небо веселым, если на нем нет ни одного мрачного облака; тогда в природе обыкновенно бывает тихо и спокойно. Так и дух наш весел, если не возмущают, не волнуют и не потрясают его никакие мрачные представления, никакие бурные ощущения и чувства. Ничто не препятствует так благодушию духа, как жгучие страсти и пожелания. Если только они овладевают нашим сердцем, то внутренний мир и покой оставляет нас.

Кто не замечал во всех движениях человека гневного, гордого, скупого, сварливого и мстительного беспокойства и бури страсти? Темных, мрачных мыслей, обуевающих его душу?

Как бывает недоволен и ропотлив честолюбец, если не достигает удовлетворения своему честолюбию?

Таким образом, для достижения и сохранения благодушия необходимо, чтобы мы научились управлять самими собой и подавлять в себе всякие дурные страсти, возмущающие дух. Тогда нам легко сохранить внутренний мир и спокойствие.

Но не вера ли Христова учит нас такому самообладанию? Не она ли взывает к нам: “*поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти*” (Гал. 5:16, 21,⁵ 26⁶); “бдите и молитесь, да не ввидите в напасть?”

Кто принимает к сердцу эти увещания веры и следует им, тот не будет предаваться вражде, зависти, гневу, ненависти; но будет обнаруживать в поступках своих благость, милосердие, кротость и т. п. Через это мы оградим себя от огорчений и неприятностей со стороны других людей, и избегнем многого, возмущающего наше благодушие. Тогда даже среди бедствий и скорбей, мы не будем предаваться отчаянию, но, подобно апостолам, благодушествовать и воспевать славу Богу.

2. Она служит источником прекраснейших радостей.

Человек благодушный всегда поддерживает в своей душе приятное настроение духа и расположен к радости. Конечно, и мирские радости ободряют дух, вселяют благодушие; но они непродолжительны и не прочны.

То, что возбуждает в нас постоянное благодушие, должно находиться в нас самих, независимо от внешних обстоятельств. Такие радости доставляет нам вера. Это — радость о Боге и Его делах, о мудром и всеблагом Провидении, о возрастании в святости и добродетели, о преуспевании во всяком добре, которое приносит человечеству спасение и благословение. Кто доставляет себе эти радости посредством частых религиозных занятий, посредством неутомимого стремления к добродетели, того сердце постоянно полно приятных впечатлений и истинного благодушия. В Боге он имеет все, что может его осчастливить. В Его благодати и любви он находит обильное утешение, взамен земных благ, которых, быть может, он лишен. Спокойная совесть, уважение добрых людей, воспоминание о своем благочестивом образе жизни, может возбуждать в душе только радостное настроение.

Но кто никогда не занимается религиозным делом, не стремится к образованию и облагораживанию своего ума и сердца, у того нет источника истинных радостей, тот не может быть и истинно-благодушным. Ему не достает добродетели, спокойной совести и радостного упования на Бога.

3. Она возвышает нас над всеми земными заботами.

Без всяких забот мы не можем обойтись. Они — благодетельны и служат источником счастья.

Но и они могут нарушать благодушие духа, даже совершенно уничтожить его, если они всецело овладевают душой. Как трудно быть или только казаться благодушным, когда беспокоят нас заботы о пропитании при тяжелых обстоятельствах, во время дороговизны и голода, — или заботы о неудавшемся успехе наших занятий, об оскорбленной чести, о счастье наших детей и родственников!

Какие мрачные мысли бушуют человека, подвергающегося продолжительным страданиям и несчастной участи, и не знающего, где найти совет и помощь!

Эти заботы действуют самым вредным образом на состояние нашего духа вследствие того, что они мучат нас постоянными беспокойствами и возбуждают в нас опасение новых бедствий. Такое состояние может наконец обратиться в привычку до такой степени, что никакая перемена обстоятельств жизни, никакое посылаемое Богом счастье не может уже восстановить потерянного благодушия человека, павшего духом.

⁵ ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют.

⁶ Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать.

Но вера Христова помогает и в таких заботах. Она вселяет упование на Бога и через это возвышает сердце над земными заботами. Она учит, что Бог печется обо всех тварях (Мат. 6:25;⁷ 10:29-31.⁸ Псал. 144:15-16⁹), что Он управляет судьбой людей и направляет к их благу все, случающееся с ними в жизни (Псал. 126:1-2;¹⁰ 36:5;¹¹ 1 Петр. 5:6-7¹²).

Христианин, верующий в Бога и Промысел, конечно, не остается беспечным и не избегает требуемых долгом забот; но его сердце ограждено от всяких ненужных и преувеличенных беспокойств об успехе своих дел и исходе своей участи. Он твердо убежден: “Бог знает, в чем я нуждаюсь, знает мое положение и обстоятельства, и печется обо мне. Все, что случается со мною, происходит по Его мановению и направляется Им к моему благу.” При таком образе мыслей не будет ли он благодушен, хотя бы его угнетали самые тяжкие заботы? Апостолы в темнице *“молясь, воспевали Бога.”*

Кто желает сохранить бодрость духа, тот должен быть скромным в своих требованиях и довольным в своем состоянии, — должен привыкнуть смотреть на все вещи с приятной стороны и видеть в самих бедствиях благодеяния для себя.

Кто же может так смотреть на жизнь, как не христианин, который верует в благое и мудрое Провидение и уповает на Бога? Кто при ревностном исполнении своих обязанностей возлагает свои печали на Господа, тот может быть весел и благодушен при всех обстоятельствах. Его души не смущает ни страх и уныние о будущем, ни малодушие при неудачах в настоящем, ни сомнение в путях Промысла.

4. Она открывает радостнейшую надежду на будущее.

Хотя наше настоящее и не отнимает у нас благодушия, потому что мы довольны своей участью, однако мы, быть может, тоскуем о будущем. Оно для нас неизвестно, угрожает часто мрачной участью, потерей дорогих благ, даже самой жизни. При всей мудрости и всемогуществе мы не в состоянии предотвратить неизбежных бедствий и опасностей, вследствие чего наше благодушие теряется, если мы не имеем никакого средства, при помощи которого наше будущее представилось бы нам в отрадном виде.

Таким средством служит Христова вера. Она учит, что мы, при благочестивом чувстве, мудрости и добродетельном отношении, можем приготовить себе счастливую участь в будущем.

Она дает нам надежду вечно блаженной жизни и праведного мздовоздания. С каким благодушием может взирать на будущее христианин, имеющий надежду! С каким спокойствием он будет претерпевать скорби и жертвовать всем для добродетели? Даже под бременем старости и вблизи смерти он сохраняет тихую веселость духа. Потому что

⁷ Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды?

⁸ Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц.

⁹ Очи всех уповают на Тебя, и Ты даешь им пищу их в свое время; открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволению.

¹⁰ Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж. 2 Напрасно вы рано встаете, поздно просиживаете, едите хлеб печали, тогда как возлюбленному Своему Он дает сон.

¹¹ Предай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит.

¹² Итак смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас.

он победил мир, совершил дело свое, устроил свой дом, приготовился к небу, и, в предчувствии будущего блаженства, с радостью и веселием идет навстречу тому миру.

Тема III.

“Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога” (ст. 25).

Как несчастны были апостолы, измученные от ран и заключенные в темницу! Но милосердый Господь не оставил их без радости. Он ободрял их в скорбях, и они в темнице *“молясь, воспевали Бога.”* Он послал им в темничном страже человека, сделавшегося из их врага — другом, который принимает сердечное участие в их горе, выпускает их из темницы, омывает от ран, вводит в свой дом и приготовляет трапезу (ст. 33-34). Так бывает еще и ныне со многими несчастными.

Бог не оставляет несчастных без радости.

1. Несчастный находит радость в любвеобильном участии добрых людей.

В каждой горе, претерпеваемом нами, бывает великая радость для нас, если мы встречаем в людях доказательства искреннего участия их к нашему положению, если мы замечаем, что они сочувствуют нашему горю, и заключаем отсюда, что мы для них дороги.

В таких проявлениях участия к нашей судьбе не будет недостатка, если мы заслужили уважение и любовь наших собратий, если со своей стороны оказывали им сочувствие в их скорбях, а особенно если терпим несчастье, постигшее нас, совершенно невинно.

Тогда найдутся добрые, благородные люди, которые не оставят нас в нашей горе, но помогут нам советом, утешением и самим делом.

Мы встретим такое участие не от родных только наших, но и от людей, от которых мы не ожидали. Думали ли апостолы найти в темничном страже, заковавшем их в кандалы, такое сочувствие, какое он оказал им?

Участие будет радовать нас на болезненном одре, смягчит нашу скорбь, поможет забыть, по крайней мере, на продолжительное время, наши потери, причиненную неправду и т. п. Пусть только в этих случаях самолюбие, гордость, нетерпение, негодование не похищают у нас этой радости и не делают нашего сердца бесчувственным к ней!

Но и мы сами со своей стороны будем плакать с плачущими, подавать утешение несчастным, оказывать искреннее участие каждому страждущему.

2. Несчастный находит радость в утешениях и обетованиях Веры.

Апостолы получали такую радость. Вера во Христа ободряла их в темничном заключении и утешала во всех бедствиях и преследованиях. Они прожили всю жизнь свою *“в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах”* (2 Кор. 6:4-5, 10¹³). Такое утешение доставляла им Вера Христова, которую они проповедывали.

Потому что, кто часто занимается ее истинами и искренне убежден в них, кто привык применять их к различным обстоятельствам своей жизни и участи, тот в каждом несчастье, неудаче и страданиях найдет в них обильный источник радостей.

¹³ нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем.

Тогда дух открыт для благотворных впечатлений веры, так как они мало ослабляются земными предметами. Тогда мы ощущаем утешения, которые дает вера в благоволение Отца небесного, вкушаем внутренний мир, который скрывается в сознании собственного достоинства и в общении с Богом и Иисусом Христом. Мы почувствуем возвышенную и благотворную силу молитвы на успокоение и укрепление нашей души.

Мы будем радоваться своей вере в благое и мудрое Провидение, направляющее нашу участь к лучшему, — радоваться обетованиям божественной помощи и защиты, — славным плодам благочестия, как следствию терпеливо перенесенных страданий, — надежде на вечно блаженную жизнь в Боге.

Поистине обильные радости находит в вере каждый несчастный, бедный, оставленный миром человек. Ее утешения успокаивают его душу, вливают в сердце небесный мир, какого мир не может дать.

Итак пусть никто не считает безутешным несчастного, который избрал веру снудницей своей жизни.

Но позаботимся о том, чтобы радости, внушаемые верой, были не чужды и нам в будущие дни несчастий, болезни и бедствий. Потому что, кто в дни счастья не ознакомился с ее обетованиями, не научился познавать их великое достоинство, их божественную силу, тот не успокоит души своей ее утешениями в дни скорбей.

3. Несчастный находит радость в надежде на лучшую участь и счастливейшие дни.

Такая надежда присуща каждому несчастному; она остается часто единственным прибежищем, спасающим нас от совершенного отчаяния, — и не без основания.

Потому что в жизни человеческой непрестанно сменяется счастье несчастьем, радость скорбями. Ничто не остается так, как есть. Самое великое несчастье потому именно недолго и продолжается, что оно достигло самой высокой степени. Самая сильная боль носит в себе начало к успокоению. И состояние несчастного, бедного, нуждающегося не остается одинаковым; оно изменяется, как изменяется все. Могут наступить такие случаи и обстоятельства, которые быстро улучшают невыносимую участь. Итак, не имеет ли несчастный причины надеяться на счастливые дни?

Если эта надежда основывается на вере в Божий Промысел, исходит из благочестивого и довольного сердца, без суетных, чувственных желаний, то она служит источником радости.

Посмотрите на больного, когда внушают ему надежду на скорое выздоровление; посмотрите на несчастного, когда открывают ему более отрадный взгляд на счастливейшие дни! Как ободряется их дух! Как уменьшается их скорбь и печаль! Как весело бьется их сердце!

Эта радость — не обман. Потому что кто сознает в себе, что он сам не заслужил своего несчастья; кто смотрит на него не как на наказание за свои грехи и ошибки, а как на мудрое и спасительное Божье попущение — тот не должен ли надеяться, что Бог улучшит его участь и опять пошлет ему счастье?

Кто когда-либо постыдился, уповая на Бога? Ибо благ и милосерд Господь и помогает в нужде.

Кто предался этой надежде, тот чувствует ободрение и покой в душе своей, видит в мрачной ночи горя восходящий свет, который опять обрадует его сердце.

И эта надежда не дана ли каждому несчастному, больному, страждущему? Не приходит ли она сама ко всякому, кто имеет веру и любовь?

Возблагодарим всеблагого Бога, который и в несчастьи ободряет нас радостями и успокаивает нашу душу. Возблагодарим Его за любвеобильное участие добрых людей, за утешения и обетования Его слова, за надежду на Его благодать, и предадим себя с упованием Его святой воле!

Тема IV.

“И, приведя их к воеводам, сказали: сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять. Народ также восстал на них, а воеводы, сорвав с них одежды, велели бить их палками и, дав им много ударов, ввергли в темницу, приказав темничному стражу крепко стеречь их” и т.д. (ст. 20-23).

Апостолы изгнали злого духа из рабы; волхование ее прекратилось и господа ее лишились нечистых выгод. Вот сущность всего дела! Что же говорят доносчики перед судьями? Скрыв вовсе истину, они возводят на апостолов бесстыдную ложь и клевету: *“возмущают наш город и проповедуют обычаи.”* Не лучше поступили и судьи: без всякого суда и следствия они приказали бить апостолов палками и заключить в темницу. В обоих этих случаях мы видим самое дерзкое нарушение долга справедливости.

Справедливость есть самая общая обязанность, которую мы должны выполнять по отношению к другим людям. Она основывается на праве: чего мы должны требовать от каждого человека и чего каждый человек должен требовать от нас.

Нет ни одного состояния, ни одного отношения, где бы эта обязанность не могла и не должна была исполняться.

Но никакая обязанность так часто не нарушается, как именно эта обязанность.

Если мы хотим быть искренними, то должны сознаться, что все мы нарушаем ее, — то словами и пересудами, то поступками, то, наконец, часто бессознательно и невольно.

Требуется самая строгая добросовестность, самая великая осторожность и осмотрительность, самосознание и знание людей, чтобы во всех случаях быть справедливым и поступать справедливо.

Есть люди и сострадательные, и добрые, и кроткие, и миролюбивые, но несправедливые. И как часто с нарушением этой обязанности разрушается общественная безопасность, покой и благосостояние, счастье семьи и отдельных лиц!

Долг справедливости в отношении к другим.

1. Что этот долг в себе заключает и чего от нас требует?

Если люди живут между собой под известными законами в общественном отношении, то отсюда возникают для каждого члена общества известные права, потому что ему должно быть позволено законом делать то, что необходимо для безопасности его жизни и имущества, для достижения его телесного и духовного благосостояния. Требовать этого имеет право каждый член общества, и кто признает за ближним это право и никогда не нарушает его, тот справедлив и поступает справедливо. Он дает и предоставляет ближнему то, в чем ему повинен и к чему он может быть принужден законом в случае отказа. Он обязан поступать так, потому что и сам того же требует от других. Но при этом он не смеет требовать от других более, чем сколько должен.

Тот человек в Евангелии, который нашел рабочих для своего виноградника за известную дневную плату, заплатил им то, за что нанял, ни более, ни менее; поэтому он был справедлив.

Ты, как судья, должен воздавать каждому по справедливости, без лицепрития и без излишней требовательности и послабления.

Ты, как домовладыка, должен давать своим слугам и работникам определенную по договору плату.

Ты, как слуга и работник, обязан трудиться для своих господ честно, не причиняя вреда неверностью и обманом.

Ты, что обещал, исполни добросовестно. Ты не должен похищать у ближнего ни малейшей его собственности, потому что не имеешь на это никакого права. Ты должен, что ты нашел, или что взял займы у других, или что тебе вверили для хранения, возвратить в совершенной целости.

Этого требует долг справедливости. Не безусловно ли истинно это? Не говорит ли наше сознание, что так и должно быть? Не требуем ли мы от каждого, чтобы он так поступал?

Однако опыт учит, что в тысячах случаев этого не делается. Многим людям именно не достает надлежащего познания и суждения о том, что считается справедливым по всеобщим законам, божеским и человеческим. Они судят и действуют по своему самолюбию и корыстолюбию, изменчивы в своих основных правилах и расположениях. Что у нас справедливо, то для других должно быть несправедливо; наоборот, что они считают несправедливым, если это требуется от них, то они считают справедливым, если это требуется от других.

Так они, то сознательно, то бессознательно, нарушают долг справедливости, или жалуются на несправедливость там, где применяется к ним строгое право.

На эти случаи Иисус Христос дает нам точное и ясное правило: *“как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними”* (Лук. 6:31). Кому непонятно, чего требует Спаситель в этих словах? Если мы находимся в недоумении, чего требует от нас долг справедливости к ближнему и что составляет нашу обязанность в известном случае, то мы должны поставить себя мысленно на его место и спросить себя: как желал бы я, чтобы ближний поступал со мной в этом случае? Что я считал бы на его месте за долг и право?

То же самое и я должен делать для него. Что мы считаем за несправедливое, если это случается с нами, то может ли быть позволительно и справедливо, если мы сами это делаем? Неправо всегда остается неправом и ни при каких обстоятельствах не может быть дозволенным и справедливым.

2. Почему необходимо исполнение этого долга?

а) Без справедливости не может существовать ни общественное, ни частное благо людей. Едва ли нужно доказывать, что общественное благо страны основывается на справедливости ее обитателей. Потому что какой народ будет счастливее того, у которого все, от высших до низших классов, строго соблюдают долг права и справедливости? Где господствует более деятельность, порядок и добросовестность, более обеспечено благо всех граждан, как не там, где начальники и подчиненные во всех отношениях поступают справедливо? Где здоровье, покой, имущество и собственность крепче ограждены от злобных нападений, нарушений и похищений?

Где каждое семейство и каждый отдельный человек будет жить счастливее, как не там, где никто намеренно не причиняет неправды другому и не требует от другого более, чем сколько должен?

Цель гражданских законов к исполнению которых обязуется каждый подданный, в том и состоит, чтобы отношения и поступки всех основаны были на праве и через это содействовали общественному благосостоянию.

Но где эти законы безнаказанно презираются и нарушаются; где люди поступают по незаконному произволу, самолюбию и корыстолюбию: там возникает беспорядок, раздор, обман, небезопасность собственности, разрушение общественного блага и домашнего счастья.

Это показывает нам история всех времен и наш собственный опыт.

Итак, будем справедливы друг к другу, чтобы Праведный Бог благословил нас. Потому что Он так говорит в своем слове: *“говорите истину друг другу; по истине и миролюбиво судите у ворот ваших. Никто из вас да не мыслит в сердце своем зла против ближнего своего, и ложной клятвы не любите”* (Зах. 8:16-17).

б) Без справедливости нет также истинной праведности и добродетели. Еще у язычников справедливость считалась самой первой и главной обязанностью и добродетелью. Понятия о праве и неправе глубоко укоренены в душе человеческой. Даже неразвитое еще дитя, по одному лишь внутреннему сознанию, судит часто правильно о том, что справедливо и что нет. Но правдивость состоит в привычке постоянно делать то, что справедливо, и избегать всего несправедливого. Как же может считаться правдивым и добродетельным, добросовестным и добрым человеком тот, кто не привык к исполнению долга справедливости?

Мы, конечно, можем иной раз нарушать право ближнего по неведению, опрометчивости, без злого намерения, и потому мы не несправедливы. Но кто нарушает право других преднамеренно, из самолюбия, гордости, корыстолюбия, ненависти и зложелательства, тот преступает важнейшие обязанности и обнаруживает нехристианский образ мыслей и черствое сердце.

Напротив, человек правдивый добросовестно уважает право других, стремится всегда исполнить свой долг и тщательно избегает всякой неправды. Такое расположение и отношение есть основание добродетели, но еще не самая добродетель.

Справедливость к другим, при излишней строгости, может перейти в жестокость, и поэтому всегда должна быть соединена с мудрой снисходительностью. Мы должны в иных случаях делать более, чем сколько требует от нас долг, поступиться своими правами, подобно, например, царю, державшему отчет со своими рабами (Мат. 18:23¹⁴). В жизни человеческой мы не всегда можем строго настаивать на своем праве, не погрешая против ближнего; но должны, при наших справедливых требованиях к другим людям, обращать внимание на их обстоятельства, на их отношения, — имеют ли они время и в состоянии ли выполнять наше требование?

Долг человеческий должен быть для нас святее нашего права; иначе мы поступаем не по-христиански. Так учил Иоанн Креститель (Лук. 3:11¹⁵) и Иисус Христос (Мат. 5:42¹⁶). Конечно, никто не имеет права требовать от нас части нашего имущества, но любовь, сострадание и милосердие должны побуждать нас оказывать помощь нуждающимся (Исаии 58:6-7¹⁷). И как в наших поступках, так и в наших суждениях о

¹⁴ Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитать с рабами своими

¹⁵ Он сказал им в ответ: у кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же.

¹⁶ Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

¹⁷ Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда уви-

других, мы должны быть не только справедливы, но и человеколюбивы. Тогда мы никому не сделаем неправды, никого не притесним жестокой строгостью, но кротость наша станет известна всем людям и будет содействовать их довольству и благу. О, если бы все мы так размышляли и поступали? Как счастливо мы жили бы тогда!

Тема V.

“Немедленно крестился сам и все домашние его” (ст. 33).

Крещение темничного стража со всеми его домашними переносит нашу мысль к нашему собственному крещению.

Благодарение Богу, между нами нет некрещеных. Все мы, от великого до малого, просвещены светом веры и сделались членами Церкви Христовой.

Хотя при крещении мы были еще младенцами, однако ж мы дали весьма важные обеты, которые остаются обязательными для нас до самой смерти.

Напоминание об обетах крещения.

1. Какие это обеты?

а) Мы дали обет веры. Иисус Христос повелел ученикам своим учить и крестить во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа (Мат. 28:19¹⁸); и апостолы требовали от тех, которые желали быть христианами, чтобы они веровали в Иисуса Христа и принимали Его учение, как божественное (Деян. 8:12;¹⁹ 37;²⁰ 19:5²¹).

Таким образом, кто крестился, тот вместе с этим дал обет твердо и неизменно веровать всему, чему учил Иисус Христос. Без такой веры мы не можем быть истинными христианами и надеяться на спасение.

Исповедание веры, произнесенное от нашего имени восприемниками, должно быть нашим собственным исповеданием.

В этой вере мы наставлены и обучены с детства.

Она должна служить для нас источником религиозных истин, добродетели и спасения.

б) Мы дали обет благочестивой жизни по вере. Крещение для иудеев и язычников было образом внутреннего очищения от прежних пороков и заблуждений. Поэтому апостол Петр называет его *“обещанием Богу доброй совести”* (1 Пет. 3:21), так как мы обещались при крещении содержать нашу совесть в чистоте от всякого зла.

А апостол Павел называет его *“банею возрождения и обновления Святым Духом”* (Тит. 3:5), потому что просвещенные крещением рождаются вновь, делаются другими людьми, не похожими на прежних.

Крещение тот же апостол сравнивает со смертью и воскресением Иисуса Христа. Крестившийся должен совершенно умереть для всякого греха и начать новую, богоугодную жизнь.

дишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся.

¹⁸ Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа.

¹⁹ Но, когда поверили Филиппу, благовествующему о Царствии Божиим и о имени Иисуса Христа, то крестились и мужчины и женщины.

²⁰ Филипп же сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий.

²¹ Услышав это, они крестились во имя Господа Иисуса.

Как жизнь Спасителя по воскресении была новой, совершеннейшей жизнью, так и христианин через крещение должен вступить в новую, совершеннейшую жизнь, посвященную Богу и добродетели.

Так мы обещались при крещении и от такого обета никто не может освободить нас. Он обязывает нас на всю жизнь содержать наше сердце в чистоте от всякого зла, неуклонно следовать Божьим заповедям и неослабно стремиться к уподоблению Иисусу Христу.

в) Мы дали обет сердечного братолюбия. Едино крещение, едина вера, едино упование соединяет всех христиан; потому что все они имеют единого Бога и Отца, единого Спасителя и Искупителя (Ефес. 4:5-6²²). Крещение уничтожает различие между иудеями и язычниками, делает христиан Божьими чадами, которые должны любить друг друга как братьев, подобно тому, как Христос возлюбил их.

Через крещение мы вступаем в теснейшее братское общение с теми, которые называются христианами. Как нам это общение дает право на их любовь, помощь и поддержку: так мы со своей стороны обязываемся любить их как братьев, знатны ли они или незнатны, богаты или бедны.

Какие выгоды для образования нашего ума и для достижения нашего спасения мы обрели в христианском обществе, в которое вступили через крещение! Как поэтому велика наша обязанность любить тех, которые соединены с нами единым крещением, и содействовать их благу и счастью!

2. Как воспоминание об этих обетах может быть спасительно и благотельно для нас?

а) Если оно возбуждает и оживляет в нас сознание высокого достоинства и счастья, к которому мы призваны Богом во Христе Иисусе. Обеты, данные нами при крещении, касаются не внешних наших отношений, не удовлетворения телесных потребностей, но духовной нашей природы. Мы не в состоянии были бы принять на себя этих обетов, если бы Бог не дал нам способности к познанию религиозных истин, к стремлению к добродетели.

От исполнения таких обетов зависит наше достоинство и спасение.

Потому что если мы пребываем тверды в вере в Иисуса Христа, не служим греху, но умираем для греха и живем Богу, то мы уподобляемся Иисусу Христу и через Него становимся причастниками вечного блаженства.

Поэтому, будем часто вспоминать о нашем крещении и о данных нами обетах веры, добродетели и человеколюбия, дабы постоянно оживлять в себе сознание достоинства и счастья, к которому Бог призвал нас. Поистине через крещение мы сделались чадами Божиими и наследниками вечного блаженства (Гал. 3:26;²³ Рим. 8:14²⁴).

Однако у многих христиан такое сознание вовсе не пробуждено.

б) Если мы пользуемся им для самоиспытания. Хотя мы сами при крещении не могли еще понимать, какие великие обеты налагает на нас таинство крещения, однако впоследствии, в более зрелых годах, мы научились знать о них из наставлений наших родителей и учителей.

²² дин Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас.

²³ Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса.

²⁴ Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии.

Но все ли мы остаемся верными тому, чему нас учили? Все ли сдержали то, что обещали при Святом крещении?

Победила ли наша вера все нападения мира и явила ли над нами свою божественную силу? Стремилась ли мы усердно к возрастанию в познании Бога и Иисуса Христа?

Мы должны, к сожалению, сознаться, что легкомыслие, опрометчивость, страсть часто приводили нас к нарушению обетов крещения. Посему испытаем серьезно самих себя, стремились ли мы добросовестно к очищению нашего сердца от всякого зла, к исправлению наших мыслей и поступков? Было ли у нас, по крайней мере, желание быть *“мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе?”* (Рим.6:11).

в) Если оно побуждает нас к добросовестному исполнению обетов, дабы мы сделали достойными блаженства, обещанного нам в крещении. Это блаженство состоит в участии в благах, которым причастны все истинные христиане в этой и будущей жизни. Но мы можем достигнуть этого блаженства только тогда, когда соблюдаем Божьи заповеди (Мат. 28:20²⁵) и ходим в новой жизни.

Потому что уже в этом скрывается великое блаженство, которое будет тем чище, выше и совершеннее, чем более мы исполняем обеты веры и святой жизни.

Пусть таким образом с каждым воспоминанием о наших обетах крещения соединяется надежда на участие в великих и нетленных благах и лагодениях, обещанных нам Спасителем, и побуждает нас к обновлению нашего ума и жизни силой Духа Божьего (Рим. 6:4²⁶ и др.)

Тема VI.

“Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой” (ст. 31).

На вопрос стража, пробужденного Божьей благодатью от греховной беспечности: *“что мне делать, чтобы спастись?”* (ст. 30), апостолы отвечали: *“веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься.”*

Вера и спасение так тесно соединены между собой, что одно без другого быть не может. Где есть вера, там непременно и спасение и где спасение, там непременно и вера. Но

Какая вера ведет к спасению и какое спасение доставляет вера?

- 1) Вера, доставляющая спасение.
- 2) Спасение, доставляемое верой.

Образцы церковной проповеди.

Слово в Неделю о Слепом.²⁷

*“Ученики Его спросили у Него:
Равви! кто согрешил, Он или
родители его, что родился слепым?”*
(Иоан. 9:2).

²⁵ уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь.

²⁶ Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни.

²⁷ Бажанов В., протопр. Слова и речи (58 г.) стр. 111-122:

Так вопрошали Господа ученики Его при виде слепого от рождения! Так думали изъяснить судьбу сего несчастного, почитая ее праведным Божиим наказанием за грехи, или его собственные, или его родителей! Но не так изъяснил им ее Божественный Учитель их — Сердцеведец: *“не согрешил ни он, ни родители его,”* сказал Он им в ответ, *“но это для того, чтобы на нем явились дела Божии.”*

Сколь утешительны сии слова Господа для несчастных братьев наших, которым в этой временной жизни, при всем неукоризненном поведении их, суждено проводить дни свои в нищете и неизвестности, и даже нередко пить горькую чашу страданий, — и вместе сколь поучительны для любимцев счастья, которые нередко, до любимой склонности судить и осуждать других, вместо того, чтобы своим состраданием и помощью облегчить участь несчастных, несправедливыми и жестокими своими суждениями о причинах несчастного состояния их, повергают их в большое уныние.

“Утешительны,” ибо правильное уразумение их показывает нам, что несчастья, которых не мы сами бываем причиной, постигают нас не без воли небесного Отца, и не суть действия гнева или оставления Его, но действия любви, все устрояющей к нашему благу; *“поучительны,”* ибо они открывают нам, что несчастья не всегда бывают следствием порочной жизни, и тем научают нас не судить по внешнему состоянию людей о нравственном их достоинстве. Размыслим о сем в настоящие минуты.

“Не согрешил ни он, ни родители его” — и однако он родился слепым, и из-за этого лишен был возможности наслаждаться, подобно другим, чистыми радостями, проистекающими от созерцания дивной красоты величественных дел Божьих, и — посреди изобилующей всем природы должен был изыскивать скудное пропитание себе от одного сострадания и милосердия других, возбуждая его непрестанным, тягостным для сердца напоминанием о горькой судьбе своей; а что может быть злосчастнее сего? Господи! За что ж он так несчастен, когда ни он сам, ни родители его не подвигли Тебя на гнев своими преступлениями? Где же любовь Твоя к тварям, которых сотворил Ты для блаженства? Где святое Твое провидение о них, когда невинный страдает, а между тем грешники наслаждаются благоденствием?

Умолкни, недалновидный смертный, непроникающий тайны сокровенных, но всегда благодетельных для человека Божьих судеб; не оскорбляй своими сомнениями бесконечно милосердного Отца всех людей, Который показал тебе столько опытов бесконечной любви Своей; не дерзай помыслить, чтобы Он хотя на одну минуту отвратил взор свой от человека, и оставил бы его на произвол судьбы. Нет. Прейдет небо и земля; но не идут мимо слова Божественного Учителя, Который возвещает нам, что Бог есть наш Отец, что Его любовь к нам беспредельна, и что без Его воли ничего не может случиться с нами. Несчастья, постигающие в этой жизни добродетельных, нисколько не опровергают этой утешительной истины. Их можно уподобить горьким, но спасительным лекарствам: они тягостны для чувственной нашей природы, но благодетельны для бессмертного нашего духа; предохраняют нас от пагубной привязанности к земным благам и удовольствиям, и обращают сердце наше к Богу, единственному источнику блаженства.

Несчастный слепорожденный родился таким, как изъяснил Иисус Христос ученикам своим, и как доказали это последствия, для того, *“чтобы на нем явились дела Божии”* — дела всемогущества и благости. Глаза его, открытые чудодейственной силой небесного Врача, ясно познали Божественное достоинство своего Благодетеля, — и тогда, как почивающие на законе фарисеи не могут решить, откуда Он, и почитают Его за

человека — грешника, не хранящего субботы, он от всего сердца верует и исповедует, что отверзший ему очи есть Сын Божий. И, таким образом, через временное лишение земного счастья делается наследником блаженства небесного, уготованного всем истинно-верующим в Иисуса Христа. Вот конец его несчастий. Вот славное разрешение тех недоумений, которые, без сомнения, нередко рождались в чувствительных сердцах, при виде несчастного его состояния!

Кто знает, что было бы с ним, когда бы он вместе с жизнью получил зрение, и обладал достаточным имуществом? Уверовал ли бы он тогда в Иисуса Христа? Ах! Может быть, созерцание величественной природы, вместо того, чтобы научить его правильному познанию Творца ее, восхитить дух его от земного к небесному, вдохнут в него благоговение и любовь к великому Благодетелю, вместо всех этих благотворных действий поселило бы в сердце его одну преступную, пагубную любовь и привязанность к тленным ее благам. Может быть, обладая имуществом, и он, подобно упоминаемому в Евангельской Истории юноше (Матф. 19:16-22²⁸), при виде чудес и слышании неслыханного от века учения Иисуса Христа, хотя и открыл было желание идти вслед за Ним, но услышав, что для этого нужно оставить все, со скорбью оставил бы небесного Вождя к вечному блаженству.

“Посмотрите,” говорит Апостол к уверовавшим Коринфянам, *“Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных”* (1 Кор. 1:26). Прелесть богатства и почестей, ослепляя взоры и обольщая сердца людей, всегда была великим препятствием к приобретению блаженства вечного: ибо трудно, при обладании этими благами, сохранить сердце свое свободным от пристрастия к ним, — сердце, которое всецело должно быть посвящено Богу и Боголюбивой добродетели.

Несчастные! Вы, которым в этой временной жизни, без всякой вины вашей, суждено претерпевать различные бедствия, и которые нередко, недоумевая о причине ваших несчастий, приходите в уныние и думаете: забыл нас Бог, отвратил от нас отеческий взор свой, — познайте в несчастной участи упоминаемого в Евангелии слепорожденного, сделавшейся, наконец, обильным источником благословения, собственную вашу участь, и успокойтесь. Рано иди поздно, и ваши несчастья и скорби, если только вы безропотно, со всей преданностью в волю небесного Отца, будете переносить их, принесут вам возделенные плоды радости. Они постигают вас не без воли Божией, и не потому, чтобы Бог отвратил от вас отеческий взор свой, и перестал быть для вас Богом милосердия и любви. Нет. По премудрому и всеблагому Его провидению о вас, они посылаются вам для вашего исправления и улучшения, для предохранения вас от гораздо больших несчастий и приуготовления к высшим, небесным радостям. *“Наказания Господня, сын мой, не отвергай,”* говорит Премудрый, *“и не тяготись обличением Его: ибо кого любит Господь, того наказывает”* (Притч. Солом. 3:11.12).

²⁸ И вот, некто, подойдя, сказал Ему: Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди. Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя. Юноша говорит Ему: всё это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение.

Небесный Отец по богатству благодати своей никогда не попустил бы на нас несчастий, если бы нерушимое счастье всегда оказывало благотворное действие на нравственное наше состояние и содействовало нам к достижению вечного блаженства; если бы мы не имели нужды в постоянном напоминании о высоком нашем назначении жить на земле для неба и пользоваться временем для приготовления к вечности; если бы мы всегда были столько мудры и благочестивы, сколько должны быть такими. Поэтому, хотя несчастное состояние само по себе неприятно и тягостно, но оно есть действие любви и благодати Божией, все устраивающей к нашему благу. А что происходит от любви и имеет целью наше благополучие, то всегда должно быть для нас любезным.

“Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божию.” В сих словах, сказанных Господом ученикам своим и обличающих неправильность суждения их о причине несчастного состояния слепорожденного, Евангелие вместе с утешением преподает нам и то полезное наставление, чтобы мы по внешнему состоянию наших ближних не судили о нравственном состоянии их, — наставление, которое каждый из нас должен глубоко запечатлеть на своем сердце. Ибо склонность судить и осуждать других господствует в нас во всей своей силе, — склонность, по суждению мира, извинительная, но тем не менее делающая нас виновными перед Богом.

Наши суждения о людях во многих случаях могут быть весьма несправедливы, и потому весьма оскорбительны для них; а всякое оскорбление ближнего делом, или словом, или даже одной мыслью, перед очами Сердцеведца, заповедавшего нам любить друг друга, есть уже преступление, достойное наказания. Так, при виде какого-нибудь несчастного, в нищете провождающего дни свои, или вдруг какими-нибудь непредвиденными обстоятельствами с высоты благоденствия низверженного в глубину бедствий, вместо сострадания и сожаления о злосчастной судьбе его, мы нередко, тайно или явно, говорим: “Верно, он не умеет жить; верно, он худой человек; верно, за грехи Бог наказал его.” Но как часто такие суждения наши могут падать на людей благородных и добродетельных! Ибо несчастья не всегда бывают следствием неблагоприятия или порочной жизни, как это явствует из упомянутых слов Господа, сказанных Им к ученикам своим; но, по неисповедимым судьбам Провидения, они нередко постигают и самых возлюбленных Божиих. вспомните, кто был Иов перед Богом, и, не смотря на то, кто из смертных испытал когда-либо столь великие злключения? И какую же скорбь обнаружением таких наших суждений в словах, взорах или поступках мы можем причинить несчастному, который, изнемогая под бременем жестоких страданий, ожидает нашего утешения и помощи, и во всяком случае имеет полное право на то! И какому осуждению мы можем подвергнуться за то перед Богом! Что сказал Бог друзьям Иова, когда они, недоумевая о причинах столь ужасных приключений с их другом, думали наконец изъяснить злосчастную судьбу его тем, что, верно, он наказывается за какие-нибудь тайные грехи? *“Горит гнев Мой на тебя,”* сказал Господь Елифазу — одному из друзей Иова, *“и на двух друзей твоих за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов. ... Пойдите к рабу Моему Иову и принесите за себя жертву; и раб Мой Иов помолится за вас, ибо только лице его Я приму, дабы не отвергнуть вас”* (Иов. 42:7-8).

Но пусть наши суждения о других будут и верны; и тогда мы не менее будем виновны перед Богом, потому что присваиваем себе право судить ближнего, исключительно принадлежащее одному Высочайшему Судье. *“Кто ты, осуждающий*

чужого раба?” говорит апостол. *“Перед своим Господом стоит он, или падает. И будет восстановлен, ибо силен Бог восстановить его”* (Рим.14:4).

Да и что нам пользы из того? Сделаемся ли мы от того лучшими? Нет, слушатели! Сие то самое и составляет главное препятствие нашему улучшению, что мы, привыкнув всегда судить и осуждать других, не обращаем должного внимания на себя самих, на внутреннее наше состояние, не знаем его, а потому нимало и не заботимся об исправлении и усовершенствовании нашем. О себе самих рассуждайте, себя испытывайте, говорит апостол. Вот достойный предмет для наших суждений! Вот важнейшая обязанность для каждого христианина, не другого судить и осуждать, а себя самого!

Итак, слушатели, запомним сии слова Господа: *“Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии”* — во глубине сердец наших. Живое представление их во время невинных страданий может доставить нам успокоение и подкрепление, во дни благоденствия может служить для нас предостережением, не судить по внешнему состоянию наших ближних о их нравственных качествах и поведении. Аминь.

Слово в неделю о слепом.²⁹ (Духовно слепые).

*“Он же сказал: верую, Господи!
И поклонился Ему.”* (Иоан. 9:38).

Слепец от рождения, как мы слышали ныне в евангельском чтении, получил исцеление от Господа Иисуса Христа. Много лет несчастный провел в слепоте, долго был лишен высшего наслаждения для человека видеть свет Божий, и потому, не имея возможности зарабатывать хлеб своими трудами, сидел при дороге и просил милостыню. Но вот проходит мимо него Спаситель мира. Увидев слепца, Господь Иисус Христос смешал щепоть земли со слюною, помазал ему глаза и велел идти умыться в купели Силоамской. Слепец пошел, умылся и прозрел. Так, по милосердию Сына Божьего, слепорожденный увидел Божий свет. Он мог ходить теперь во свете, уже тьма не окружала его, как прежде. Какое счастье, какое наслаждение для человека внезапно увидеть свет после тьмы. Но несравненно еще большее счастье и высшее наслаждение составляло для него то, что он увидел своего Спасителя, узрел Светодателя, и узрел Его не телесными только очами, но и душевными, не только увидел Его, но и уверовал в Него и возблагодарил Его: *“верую Господи,”* возопил слепец, *“и поклонился Ему.”*

И мы, братие, все родились слепыми для высшей духовной жизни, но потом во святом крещении освободились от слепоты душевной и, просветившись светом веры Христовой, уверовали во Христа-Светодателя. Сохранилось ли у нас чистым это душевное зрение для созерцания дел Божьих и наших к Нему обязанностей, или оно омрачилось нашими грехами и сделалось не способным видеть Божье о нас попечение и сознать свою греховность?

Быть слепым, со дня рождения не видеть света Божия, сидеть при дороге и просить милостыню — какое тяжелое, несчастное положение! Но еще более несчастное и притом опасное положение быть душевно слепым.

В чем же состоит эта опасная душевная слепота?

²⁹ Юрьев П., свящ. (Рук. для сельск. паст. 1886 г., стр. 310-315).

В том, во-первых, что такие слепцы не видят истин веры Христовой и в деле своего спасения остаются слепыми. Они не открывают души своей для принятия слова Божия, думают, что можно быть христианами и не зная истин христианской веры. Были такие слепцы и в то время, когда Сам Единородный Сын Божий учил на земле. Они слышали Его учение и “ничего” из него “не поняли.” Есть такие слепцы и теперь и, когда в церкви проповедуется слово Божье, они или не слышат его, ведя свои пустые разговоры, или и слышат, но оно остается для них сокровенным, и они не понимают “сказанного” (Лук. 18:34³⁰). А что из этого выходит? Они не принимают сердцем и душой учения Христова и потому, когда приходят им какие-нибудь ложные мысли и сомнения, они не знают, как их удалить от себя и чем их разрешить; когда подвергаются каким-либо бедствиям или несчастьям, не находят никакого утешения в своей вере; а когда приближаются к смерти, на них нападает страх и отчаяние.

Душевная слепота состоит, во-вторых, в том, что такие слепцы не видят или не сознают своих грехов. Мы все грешники перед Богом. Нет человека, который жил бы в мире и не согрешил. Но Господь Бог, не желая смерти грешника (Иезек. 18:32³¹), дал нам средство освобождаться от грехов. Но для того, чтобы освободиться от грехов, надобно знать свои грехи — сознавать свою греховность. Этого-то сознания и нет у душевно слепых. Они грехов своих не видят и, если не чувствуют за собой каких-либо тяжких грехов, то считают себя ни мало не грешными; если же случится им сделать нечто доброе, то считают себя уже добродетельными, а через то делают самонадеянными, беспечными, не видят опасности грехов и смело идут им навстречу. Эта слепота очень опасная.

В-третьих, душевно слепые не видят Божьих дел ни в мире вообще, ни в своей собственной жизни. Господь Бог, сотворив мир, дал ему времена и лета, дал ему величие, красоту, порядок. Он управляет всем миром. Все перемены, все мировые события совершаются по Его воле. Он управляет царствами, народами вообще и каждым человеком в частности. Урожай и неурожай, градобития и наводнения, болезни и войны, бедствия и благоденственное и мирное житье, и тысячи различных явлений в мире бывают не сами по себе, а по определению Творца вселенной и Промыслителя. Его присносущная сила и Божество видны везде и во всем. Он есть всюду — “недалеко от каждого из нас” (Деян. 17:27³²). Кто сего не видит, тот слепец.

По этим признакам каждый из нас может узнать о себе, сохранилось ли у него душевное зрение, или оно помрачилось. Если мы знаем истины веры нашей и твердо убеждены в них; если мы сознаем нашу греховность и заботимся о своем исправлении; если мы всегда благоговеем перед своим Творцом и благодарны Ему за Его попечение о нас на всех путях нашей жизни, то душевное зрение наше сохранилось чистым; мы можем, не заблуждаясь, твердо идти по пути к спасению. И наоборот, если кто не знает своей веры и не старается знать ее, беспечен и не заботится об исправлении своей жизни по пути Божьих заповедей, невнимателен к попечению о нем Создателя и не благодарен Ему — то душевное зрение его помрачилось; такой человек, душевно слепой, может легко заблуждаться: с истинного пути ко спасению и попасть на путь ложный, ведущий к гибели.

³⁰ Но они ничего из этого не поняли; слова сии были для них сокровенны, и они не разумели сказанного.

³¹ Ибо Я не хочу смерти умирающего, говорит Господь Бог; но обратитесь, и живите!

³² дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас.

Вот, братья, поучительный для нас пример желания прозреть, чтобы видеть дела Божьи, и наставление преподобного Потапия сохранять душевное зрение пуще телесного, чтобы оно не помрачилось от соблазнов мира.

Однажды приходит к преподобному Потапию некий юноша, слепой от рождения, и умоляет святого старца, чтобы он испросил ему у Бога прозрение очей. “Для чего тебе больше всего нужно прозрение?” спросил его преподобный Потапий. “Чтобы видеть живых существ,” отвечал слепой, “и от видения живых существ да приду в совершеннейшее познание Творца и Его прославлю.” Преподобный Потапий умилился таким разумом и благочестием слепца и воззвал к Богу: “Иисусе Христе, слепым свет и мертвым жизнь дарующий, отверзи очи жаждущему светом Твоего Богопознания просветиться;” и в тот час слепец прозрел. Тогда преподобный Потапий сказал ему: “иди с миром в дом твой, но опасайся, чтобы с открытием очей телесных не помрачились у тебя очи душевные. Ни на какое чувство не могут так действовать соблазны мира, как на чувство зрения. Горе, если ослепнет в тебе внутренний человек. Тогда и при сих очах ты не узришь Бога там, где все слепцы узрят Его — уже не верой, но лицом к лицу” (Учил. благоч. ч. 6).

Будем всегда помнить это благое желание слепца и это наставление ему преподобного Потапия, и будем всегда заботиться о том, чтобы полученное нами в Святом Крещении душевное зрение не омрачилось соблазнами мира и ложным каким-либо учением, но сохранилось бы в чистоте. Чтобы мы могли всегда не только ясно видеть свою греховность, но и сознавать необходимость исправления своей жизни; чтобы могли не только здесь познавать Бога в управлении Его миром и судьбами нашей жизни, но и увидеть Его некогда “лицем к лицу” (1 Кор. 13:12³³).

Господи, просвети очи сердца нашего (Ефес. 1:18³⁴), “да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа” (Иоан. 17:3). Направи деяния наши к исполнению заповедей Твоих, дабы мы поступали “достойно звания своего, в которое призваны” (Ефес. 4:1), как подобает тем, “которые Христовы” (Гал. 5:24³⁵). Утверди нас в вере и благочестии, чтобы мы, по благодати Твоей духовно прозревшие живя и в сем мире, “уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу” (Ефес. 2:19), сподобились некогда во свете Твоем узреть свет незаходимый. Аминь.

Христос — свет миру.

Мир не может существовать без света. Когда “в начале” не было еще света, то тьма царствовала над безжизненным хаосом, в котором зачатки бытия могли перейти в жизнь не раньше, как первый луч света озарил довременную тьму. И впоследствии вся жизнь на земле постепенно находилась в такой зависимости от света, что не даром первое религиозное заблуждение состояло в том, что человек стал боготворить дневное светило, как тот именно источник жизни, без которого на земле царствовала, бы только смерть. Но свет необходим не только для мира вещественного, а еще более и для мира духовного, потому что и в нем жизнь может поддерживаться и развиваться только под благотворным влиянием живительного света. Поэтому в человечестве всегда существовало, так сказать,

³³ Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан.

³⁴ и просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых

³⁵ Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями.

инстинктивное стремление к свету, к тому духовному просвещению, которое одно только и могло выводить людей из мрака духовной смерти и давать им истинную жизнь. Недаром поэтому человечество чтит тех избранных людей, которые, будучи сами одарены великим запасом духовного света, распространяют его и на массу, разгоняя и в ней губительную тьму. Но эти “светила” суть только бледные отблески того всемирного света, без которого сами они были бы темными, безжизненными точками на мертвом небосклоне бытия. А это всемирное, центральное светило, без которого не может существовать никакой свет и никакая жизнь в мире, есть то Солнце правды, Христос Бог наш, который Сам сказал: “Я свет миру!” И святая православная церковь, как хранительница истинного духовного света, посвящает разъяснению и провозглашению этой истины всю шестую неделю **по** Пасхе, связывая ее с воспоминанием о том великом чуде, в котором поразительно проявилась светодательная сила Христа, именно с чудом исцеления слепорожденного в Иерусалиме.³⁶

Христос, как “истинный свет,” уже много разлил среди своих соотечественников духовных лучей, чтобы вывести их из облежавшей их тьмы духовного ослепления. Он много сотворил великих чудес и возвестил великих истин, но тьма все еще не хотела уступить свету и сама старалась объять его. Князь тьмы, которому с таким рвением служили иудейские книжники, превратившие закон Божий в запутанную систему законов человеческих, все сильнее возбуждал в них ненависть и вражду к Царю света, так что в одну из суббот дело дошло до открытого столкновения и разъяренные книжники, не в состоянии больше выносить неотразимых доводов в пользу истины свидетельства Христа о Себе как Сыне Божьем, и забыв, что по их собственному учению в субботу нельзя поднимать даже такого бремени, как игла или перо, яростно взялись за камни, чтобы побить Его. “Но Иисус скрылся.” Не настал еще час Его. Ему надлежало еще не мало совершить великих дел и открыть великих истин, которые могли бы навсегда служить источником просвещения, и одно такое великое дело Он вслед затем и совершил.

Избегая ярости своих ослепленных ненавистью врагов, Христос проходил мимо тех ворот храма, где обыкновенно толпились нищие, ожидавшие подаяния от прохожих. Среди нищих был один слепец — “слепой от рождения,” — следовательно, человек, над которым тяготел какой-то особенный, непостижимый рок, обрекший его на бедствие еще раньше, чем он вступил в область земной жизни. Земная жизнь удручена бедствиями, но среди них трудно и представить себе более великого и тяжкого бедствия, чем именно слепота. Слепец, это так сказать человек, навсегда заключенный в мрачную, в буквальном смысле темницу, отделяющую его от всего окружающего Божьего мира, с его бесконечной красотой, своим видом некогда приведшего в восторг и силы небесные, хором прославившие премудрость и всемогущество Творца. Он слышит, что за стеной его темницы кипит полная радостей жизнь, его братья свободно ходят и располагают собой, любуются красотой лица и фигуры друг друга, восторгаются великолепием храмов и дворцов, гор и долин, говорят о прелести лилий полевых, лучше которых не наряжался и сам Соломон, сами соперничают друг с другом разноцветными нарядами, вызывающими восторг или зависть, прославляют в песнях и псалмах дивную красоту небесных светил, поведающих о славе Божьей, — одним словом, слышит, что рядом с ним существует какой-то особый мир, который — увы — навсегда закрыт от него непроницаемой стеной его слепоты.

³⁶ Иоан. 9:1-41.

Он — несчастный узник среди свободного мира. Весь мир погружен для него в непроглядную ночь, и он с опаской бродит во тьме этой ночи, ощупывая каждый предмет, чтобы не споткнуться и не разбить своего брэнного существа. Вот и теперь он, заслышав необычный шум около храма, спотыкаясь, пробирался около стены, быть может, опасаясь, как бы в народном смятении ему не сделаться ни в чем неповинной жертвой, а, быть может, и желая поближе придвинуться к тому месту, где находился великий галилейский Пророк, молвой о необычайных чудесах которого гремел весь город. Нищие при храмах обыкновенно чутки ко всему, что совершается вокруг их, и конечно, слепец хорошо помнил ту пасху, во время которой галилейский Пророк, пылая праведным гневом, очищал этот самый храм от торгашеского осквернения. С того времени при каждом появлении Его в Иерусалиме происходили какие-то необычайные волнения и споры. Книжники истощали свою ученость, чтобы доказать Его самозванство, а Он в доказательство своего божественного посланничества совершал такие чудеса, которые приводили всех в изумление. Ведь всем известно было, как в этом самом Иерусалиме Он исцелил расслабленного, тридцать восемь лет лежавшего в постели, — того самого Иара, с которым слепец наверно неоднократно коротал длинные дни своего бедствия в ожидании таинственного движения вод в овчей купели. Если Он исцелил такого безнадежно-расслабленного человека, то не может ли Он исцелить и слепорожденного?

Луч веры и надежды не мог не проблеснуть в мрачной душе несчастного слепца и он торопливее застучал своей палочкой — руководительницей.

В это самое время мимо него проходил Христос со Своими учениками, и Он устремил Свой божественный взор на эту живую картину человеческой слепоты. Ученики, привыкшие к особенностям своего Учителя, заметили это необычное внимание Его к слепцу, который хорошо был известен им и интересовал их тем, что это был пример редкой слепоты — от рождения. Книжники в синагогах любили обсуждать подобные необычайные случаи и тут представлялось широкое поле для самых тонких догадок и умозрений. По раввинской философии, всякое бедствие имело свою причину, и притом нравственную. Человек добродетельный не может подвергаться Божьей каре, так как это было бы противоречием высшей справедливости, воздающей за добро добром. Поэтому, если и бывали случаи, когда, по-видимому, добродетельный человек подвергался несчастью, то его добродетельность была, очевидно, лишь наружной, под которой таился тяжкий грех. Известно, сколько нравственных мук должен был вынести праведный Иов, когда прибывшие к нему в час его бедствия друзья, утешая его, ясно намекали ему на то, что он, наверно, заслужил этой страшной кары каким-нибудь тайно содеянным грехом.

Но тут представлялся еще более загадочный случай. Человек **родился** с бедствием, и следовательно корень его бедственности нужно искать глубже, где-нибудь в области, лежащей за пределами его теперешней жизни. Вопрос в высшей степени интересный, и ученики, предполагая, что их Учитель, устремив Свой взор на слепца, был занят именно мыслью об этом, спросили Его: *“Равви! кто согрешил, он, или родители его, что родился слепым?”* По всему видно, что книжники неоднократно обсуждали этот вопрос, так сказать, напрашивавшийся на обсуждение вследствие того, что самый предмет его постоянно был перед глазами как у самих книжников, так и у всех посещавших храм и их храмовые школы, и мнения их разделялись. Одни решали его в том смысле, что бедствие этого слепца зависело от греха его родителей или предков, для чего были достаточные основания в самом законе, угрожавшем взыскать за вину отцов до третьего и четвертого

рода (Исх. 20:5³⁷ и др.); но другие не удовлетворялись этим решением и искали объяснения загадочной тайны в других предположениях и тонких умозрениях. По их мнению, он мог согрешить уже во чреве матери, а другие, особенно те из книжников, которые знакомы были с сочинениями египетских иудеев, шли даже еще дальше и не прочь были допускать, что грех совершен был еще в предсуществовании его души, которая за свой грех именно послана в слепое, темное тело.

Эти и подобные рассуждения вождей народа яснее всего обнаруживали их умственную ограниченность и духовную слепоту. Раввинское суемудрие помрачило в них способность к разумению великих тайн Божьего домостроительства. Ведь вся “книга Иова” служила изобличением подобного суемудрия, показывая, что не все бедствия суть результат греховности или нечестия и потому не все они — удары карающего жезла высшей правды. Есть и такие бедствия, которые служат или проявлением высшей любви, направляющей свои удары с целью спасающей милости, или даже орудием высшего промысления о торжестве истины над исконной ложью. История многострадального Иова показала, что он подвергся бедствию не за тайный грех, требовавший возмездия, а потому, что его праведность избрана была Богом как орудие для посрамления клеветы отца исконной лжи. Так было и в данном случае. Бывший перед ними слепец родился слепым не потому, чтобы он сам согрешил или его родители; — нет, торжественно ответил Христос, “но это для того, чтобы на нем явились дела Божии.” И затем, все еще останавливаясь Своим божественным взором на темном лице несчастного, Христос продолжал громко беседовать с учениками, разъясняя им, что Он на то и послан Отцом небесным, чтобы совершать Божьи дела, дела света, потому что Сам Он есть “свет миру.”

Эту беседу не мог не слышать и сам слепец. До сих пор он привык слышать только такие рассуждения о себе, которые лишь удручали бедственностью его положения, так как заключали в себе бессердечный укор или ему самому или его родителям за совершенный ими тяжкий грех. И вдруг теперь до его чуткого слуха доносится совершенно иное рассуждение, которое как в своем содержании, так и в самом тоне голоса звучало для него любовью и милосердием. Кто это такой? Уж не тот ли Пророк Гадилайский, из-за которого произошло смятение и который исцелил знакомого ему Иара? Вся сила веры и надежды сосредоточивается на его слепом лице, которое он и обращает к изрекавшему сладостные слова Пророку с такой же истинктивной чуткостью, с какой цветок обращается к живительному и согревающему солнцу. Роем пронесаются в его душе мысли и чувства. Почему в самом деле он именно слеп, когда вокруг его миллионы зрящих? “Неужели действительно за грех своих родителей? Или я родился таким в изобличение неверия народов? Не в состоянии я различать, когда ночь и когда день; натерпелись ноги мои от претыкания о камни. Никогда не видел я солнца сияющего, ни в человеческом Образе Создателя моего. Но молюсь Тебе, Христе Боже: призри на мя и помилуй мя.”³⁸

Такие именно чувства и мысли влагает ему в душу Святая Церковь в своем песнопении, составляющем результат глубокого психологического анализа страдальца в этот великий и страшный для него момент. Они как в зеркале запечатлелись на его слепом лице, которое представляло собой живую картину всепоглощающей мольбы. И Сердцеведец не томил больше страдальца ожиданием. Он смешал землю со своею слюною, помазал ему этим составом глаза и сказал ему: “пойди, умойся в купальне

³⁷ не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня.

³⁸ Стихира самогласна о слепом, “Цветная Триодь,” лист 137 на обороте.

Силоам.” Эта купальня (теперь Биркет-Сильван) находилась довольно далеко от храма, и Христос послал его туда именно, а не к ближе находившейся Вифезде, для того, чтобы испытать его веру, а вместе с тем показать, что исцелением своим он обязан не воде, а именно составу, сделанному Спасителем. И он действительно *“пошел, и умылся, и пришел зрячим.”*

Совершилось опять великое чудо, от которого пришел в смятение город. Исполненный необычайного восторга от столь чудесного дарования ему величайшего дара — зрения, бывший слепец, конечно, не молчал о совершившемся над ним чуде. Да и сам он был весьма хорошо известен в Иерусалиме, как всем примелькавшийся слепой нищий, и теперь появление его зрячим казалось особенно близко знавшим его скорее призраком или обманом чувств, и они спорили между собой, тот ли это самый нищий — слепец, или только похожий на него, так что он должен был настойчиво уверять их, что это именно он самый. И когда на их вопрос, как же он стал зрячим, он рассказал им все, как было дело, заявив, что его исцелил Иисус, то изумлению их не было конца. Но во всяком случае это был такой факт, которого нельзя было оставить без надлежащего исследования, и пораженные чудом иудеи сочли своим долгом довести обо всем этом до сведения книжников и фарисеев. Они только что перед тем поднимали камни на Иисуса, а Он совершил поразительное чудо. Надо же, наконец, исследовать это дело, и они привели к ним самого бывшего слепца. И вот тут последовала сцена, которая представляет поразительный пример того, до какой степени может доходить духовное ослепление людей, когда они злонамеренно закрывают свои глаза, чтобы не видеть того, чего им не хотелось бы видеть.

Дело было ясно, как Божий день. Тот самый Иисус, на которого книжники поднимали камни, как на богохульника, совершил великое, небывалое чудо, и об этом чуде свидетельствовала не просто народная молва, часто преувеличивающая действительность, а сам предмет чуда, представленный воочию. Значит, остается только признать его, раскаяться в своем ослеплении и воздать хвалу Богу, сподобившему свой народ столь великих знамений. Но для этого нужно было смирить свою гордыню, осознать свое духовное убожество, обличить себя в неспособности понимать дела Божии. А это было слишком тяжело для их ученого эгоизма, и потому во что бы то ни стало нужно опровергнуть достоверность этого чуда, хотя бы для этого потребовалось попрасть и совесть и всякие законы логики. И такой именно целью и задалась та “ученая комиссия” из книжников и фарисеев, которой пришлось рассматривать это дело. Когда бывший слепец на вопрос фарисеев рассказал им, как было дело, то между ними произошел ожесточенный спор. Одни из них настойчиво утверждали, что *“не от Бога Этот Человек (Иисус), потому что не хранит субботы.”* Но другие отвечали им: *“как может человек грешный творить такие чудеса?”* (Иоан.9:16).

Очевидность чуда была так неотразима, что сначала даже у самих книжников не возникало никакого сомнения в нем. Но затем по мере того, как в возникшем споре, видимо, брала перевес первая партия — скептиков, по всей вероятности тех самых, которые уже раньше *“искали убить Иисуса”* и поднимали на Него камни, стало явственно выступать и желание заподозрить чудо, опровергнуть его действительность, найти такие свидетельства и данные, которые могли бы послужить более или менее благовидным предлогом к опровержению очевидного для всех чуда. И можно только изумляться, к каким казуистическим изощрениям способна мысль невера, когда он хочет опровергнуть несоответствующий его предубежденному взгляду факт.

К чему только не прибегали фарисеи и книжники? Они несколько раз допрашивали и переспрашивали самого слепца, как и что было, призывали его родителей, запугивали их страхом отлучения от синагоги, вновь призывали самого слепца, и требовали от него, чтобы он признал своего Исцелителя человеком грешным, снова и снова переспрашивали о самом процессе чуда, так что наконец вывели из терпения исцеленного, который им, велеученым книжникам, прочел укорительное наставление, что ведь *“грешников Бог не слушает, но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает. От века не слыхано, чтобы кто отверз очи слепорожденному. Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего.”* Едва ли еще когда какая-нибудь ученая комиссия находилась в более затруднительном и жалком положении. Ей нужно было доказать, что совершившееся не совершилось, и так как для этого не давала достаточных средств никакая разумная, добросовестная логика, то во избежание затруднения оставалось одно — прибегнуть к логике насилия и ругательства, чем и закончила достойным себя образом ученая фарисейская комиссия. *“Во грехах ты весь родился,”* яростно закричали вышедшие из себя ученые книжники, *“и ты ли нас учишь? И выгнали его вон.”*

Вот до чего может доводить, да и доводит неизбежно то неверующее упрямство, которое не хочет признавать великих истин и знамений Божиих! И так поразительно живописна эта картина, начертанная боговдохновенной рукой Святого Апостола Иоанна в изобличение такого упорного неверия, которое не признает даже того, что оно видит и осязает. Эта картина есть поистине то зеркало, в котором могут видеть себя все неверы и скептики как древнего, так и новейшего времени. В самом деле, что такое вся новейшая, так называемая отрицательная критика, как не повторение этих же логических изощрений с целью подорвать достоверность очевидных истин? Как древние книжники и фарисеи допрашивали и переспрашивали слепца, его друзей и родителей, запутывали их словесными доводами и запугивали страхом отлучения, чтобы только заставить их сказать “нет” там, где и очевидность дела, и совесть, и разум прямо говорили “да,” так и новейшие критики перевертывают и искажают евангельское благовествование, призывают себе на помощь и философию, и медицину, и случайность, игру природы, законы иллюзии и галлюцинации, — одним словом все, что только можно указать правдоподобного на небе и на земле, и все это для того, чтобы доказать, что евангельские события, записанные очевидцами, совершились не так, как о них написано, а так, как хотелось бы представлять это новейшим неверам и скептикам. Но все напрасно, и новейшим критикам остается лишь одно — бесплодно делиться на партии и вести бесконечные споры между собой, как это было и с древними книжниками, или еще хуже — прибегать к насилию и ругательству, как они и поступают действительно, когда с чисто книжническим и фарисейским упрямством отвергают достоверность евангельского повествования, обличают апостолов и евангелистов в преднамеренной лживости и, таким образом, — изгоняют их из своего судилища как свидетелей недостоверных. То же самое, что сделали книжники с исцеленным и мужественно свидетельствовавшим о великом чуде слепцом!

Так-то ограничены и однообразны приемы неверия в своей отрицательной аргументации. В XIX веке оно повторяет все те же доводы и приемы, которые когда-то с такой настойчивостью высказаны и применены были еще во времена Самого Христа и тогда же обнаружили всю свою плачевную несостоятельность...

Изгнанный из ученого собрания и отлученный от синагоги, мужественный исповедник Христа оказался в тяжелом положении. В силу отлучения все теперь должны были избегать его, как мытаря или язычника, одно соприкосновение или общение с

которым влекло за собой обрядовое осквернение. В таком тяжелом положении он мог поколебаться в своей вере и таким образом доставить возможность для торжества врагов истины. Но если оставили его люди, даже оставили отец и мать, то не оставил его Бог, и евангелист с трогательностью повествует, что Христос, услышав о его отлучении, Сам нашел его и подкрепил его веру. *“Ты веруешь ли в Сына Божия?”* спросил Он его. Зрячий слепец, еще доселе не видевший своего милосердного Врача, возвратившего ему величайший дар в жизни, со свойственной слепцам чуткостью к тонам голоса, узнал, что это говорит с ним тот же самый, кто помазал ему глаза брением и называл Себя светом миру. И чтобы найти подтверждение своей догадке, он спросил: *“а кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него?”* Тогда последовал милостивый ответ, который был вместе и откровением: *“И видел ты Его, и Он говорит с тобой.”* Этого было достаточно для верующей души бывшего слепца.

Раньше, лишенный зрения, он мог только слышать, что в Иерусалиме по временам бывает великий Учитель, возвещающий великие истины и совершающий великие дела, и оплакивая свое бедствие, закрывавшее от него весь видимый прекрасный мир Божий, он тосковал еще более и о том, что слепота не давала ему видеть (как поется в церковной песни) *“в образе явившегося Создателя.”* Теперь этот божественный образ стоял перед его прозревшими очами, и он в безграничном восторге от столь великого счастья радостно воскликнул: *“Верую, Господи! и поклонился Ему.”* И таким образом слепорожденный, до сих пор ходивший во тьме и телесной и духовной, теперь увидел не только свет вещественный, наполнивший ему жизнь всеми до сих пор невидимыми ему красотами бытия, но и свет духовный, озаривший ему душу верой в обетованного отцам и ныне пришедшего Мессию.

Эта восторженная вера бывшего слепца, нищего и невежественного, в сопоставлении ее с неверием и отрицательным упорством книжников и фарисеев, только себе и приписывавших знание и свет, дала Христу повод произнести заключительное слово о слепоте духовной. *“На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы.”* Отец небесный дал людям кроме очей телесных и очи душевные, чтобы они видели дела Его и прославляли их. Но люди сами поделили себя на видящих и невидящих, и первые с высокомерным пренебрежением относятся к последним, как к людям темным, невежественным и неразумным. Христос пришел рассудить между ними и показать, как обманчивы суждения людей. Когда явился истинный Свет, просвещающий всякого человека, то обнаружить, что увидеть Его оказались в состоянии именно те, которые считались темными и невидящими, — все те убогие и нищие духом, которые в простоте сердца жаждали пищи духовной; и напротив, те, кто в своей гордости воображали себя видящими и всезнающими и с высоты своего всезнания изрекали якобы непогрешимые истины, оказались жалкими слепцами, неспособными видеть даже и то, что было перед их глазами и что можно было даже, так сказать, осязать руками. И эта слепота, как исходящая из преднамеренного отрицания очевидной истины, есть страшный грех, — грех противления тьмы истинному свету, исходящему от Солнца правды.

К прискорбию, эта духовная слепота широко распространена и до сих пор, и именно по преимуществу в тех классах, которые считают себя людьми знания и разума, интеллигенцией, захватившей монополию разумного обсуждения вещей в свои руки. Пусть же эта интеллигенция из изложенного евангельского события убедится, как ненадежно земное знание, ищущее себе света лишь в собственном ограниченном разуме, а не в разуме Божественном, и не уподобляется древним книжникам и фарисеям,

оказавшимся не в состоянии увидеть то, что сподобился узреть слепорожденный. Поэтому вместе со святой Церковью все должны взывать с мольбой, чтобы отверзлись нам наши ослепленные душевные очи и мы, узрев свет истинный, могли с верой воскликнуть тому, Кто Сам назвал Себя светом миру: **Ты суших во тьме свет пресветлый, человеколюбче, слава Тебе!**

Библиографический указатель слов, бесед и поучений на Неделю о Слепом.

Евсевий, арх. Могилевский. Бес. на воскр. и праздн. еванг. (63 г.), т. I, 172-185.

Его же. Беседы на воскр. и праздн. чтения из апостола (67 г.), ч. I, 103-114.

Димитрий, арх. Херсонский. Полн. собр. проповедей (90 г.), т. III, 65-78.

Никанор, арх. Херсонский. Собрание сочинений (90 г.), т. II, 445-454.

Леонтий, арх. Варшавский. Слова, поучения и речи (76 г.), т. I, 61-68.

Сергий, арх. Владимирский. Годичный круг слов (98 г.), 24-27.

Евламий, арх. Тобольский. Святая Пятидесятница (58 г.), 339-357.

Виссарион, еп. Костромской. Поучения (99 г.), 111-115.

Бажанов В., протопр. Слота и речи (58 г.), 113-122.

Сергиев И., прот. Полн. собр. сочинений (94 г.), т. II, 236-248.

Мегорский Е., прот. Слова, поучения и речи (94 г.), 157-161.

Романов И., прот. Полн. собр. поучений (88 г.), 425-430.

Белороссов Н., прот. Поучения (97 г.), 81-84.

Белоцветов А. Круг поучений (94 г.), 49.

Долинский И. свящ. Краткие поучения (95 г.), 193-198.

Красовский П. Поучения для простого народа (70 г.), 107-111.

Дьяченко Г. Ежедневные поучения (97 г.), 60-73.

Лядский А., свящ. Поучения (70 г.), 129.

Неделя Святых Отцов.

I. Евангельское чтение.

Зачало (56): Евангелие от Святого Апостола Иоанна: 17:1-13.

1 После сих слов Иисус возвел очи Свои на небо и сказал: Отче! пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя,

2 так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную.

3 Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа.

4 Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить.

5 И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира.

6 Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира; они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твое.

7 Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть,